

A romantic couple is featured in a close embrace. The woman, with long, wavy brown hair, is wearing a dark blazer over a light-colored top and a dark skirt. She is looking back over her shoulder at the man. The man, with short dark hair and a light beard, is wearing a dark shirt and jacket, looking at her. They are standing in front of a glass door or window that reflects the city lights at night. A sign with the word "BAR" is visible in the background.

Ты его
любишь?

— КЕЙТ РЕЙН —

Кейт Рейн

Ты его любишь?

«Автор»

2026

Рейн К.

Ты его любишь? / К. Рейн — «Автор», 2026

Олеся пришла в бар не за приключением — ей просто не хотелось возвращаться домой. Увольнение, выдохшиеся отношения, потерянные подруги и ощущение, что собственная жизнь давно происходит где-то без неё. А потом рядом садится Рома. Он не обещает ничего, не пытается её спасти и задаёт всего один вопрос: «Ты его любишь?» Чтобы найти ответ, они решают провести маленький эксперимент — всего на один вечер. Но иногда одного вечера достаточно, чтобы понять о себе больше, чем за несколько лет.

© Рейн К., 2026

© Автор, 2026

Кейт Рейн

Ты его любишь?

Олеся смотрела на бокал так долго, что бармен успел дважды пройти мимо, один раз вытереть уже чистую стойку напротив неё и в конце концов перестал делать вид, будто не замечает.

— Не нравится? — спросил он, кивнув на вино.

Олеся подняла глаза.

— Вино?

— Оно самое.

Она посмотрела на тонкую полоску красного по стеклу, оставшуюся после единственного глотка.

— Нормальное.

— Тогда я спокоен.

Бармен улыбнулся без обязательства продолжать разговор и ушёл к кофемашине. За дальним столом кто-то рассмеялся слишком громко. Смех ударился о кирпичную стену, рассыпался и исчез в музыке — какой-то старой песне, которую Олеся знала, но не могла вспомнить название.

Она снова опустила взгляд.

Вино было действительно нормальным. Просто сегодня оно не работало.

Впрочем, Олеся и не особенно старалась напиться. Для этого пришлось бы пить, а она уже минут сорок сидела над одним бокалом, медленно вращая его за ножку. Время от времени подносила к губам, делала маленький глоток и снова ставила на стойку. Со стороны, наверное, казалось, что она ждёт кого-то. Или очень хочет, чтобы так казалось.

На самом деле ждать было некого.

Телефон лежал экраном вниз. Она перевернула его, проверила время, хотя часы висели прямо над стеллажом с бутылками, и увидела два сообщения от Артема.

«Ты где?»

Через семь минут:

«Хлеб купишь?»

Олеся смотрела на них несколько секунд. Потом заблокировала экран.

Ни «как ты», ни «что случилось», ни даже привычного сердечка, которое он иногда ставил в конце фразы, когда вспоминал, что вроде бы должен. Только геолокационный запрос и хлеб.

Сегодня её уволили.

Не сократили. Не «оптимизировали штат». Не предложили уйти по соглашению сторон с тремя окладами и печеньем на прощание. Именно уволили — хотя директор почти двадцать минут подбирал формулировки, чтобы это слово не прозвучало.

Он сидел напротив, положив ладони на стол, и говорил про новые задачи компании, пересмотр процессов, «необходимость в людях с другим профилем компетенций». На третьей минуте Олеся поняла, чем закончится разговор. На пятой перестала слушать. На десятой уже мысленно складывала в коробку кружку, зарядку, блокнот, запасные колготки из нижнего ящика и маленький кактус, который подарила Катя три года назад.

Кактус умер прошлой зимой.

Олеся почему-то вспомнила об этом только сейчас.

Он всё ещё стоял на подоконнике в офисе — высохший, серо-зелёный, немного наклонившийся в сторону окна. Она несколько месяцев собиралась выбросить его, но каждый раз находилось что-то важнее.

Как и со всем остальным.

— Вам принести воды? — бармен снова оказался рядом.

— Нет, спасибо.

— Тогда хотя бы орешки. От заведения.

Он поставил перед ней маленькую миску.

— Я похожа на человека, которому нужны орешки?

— Вы похожи на человека, который забыл поесть.

Олеся хотела возразить, но вспомнила, что последний раз ела в половине второго — салат из контейнера прямо за компьютером, потому что в три у неё был созвон.

Созвон, кстати, состоялся уже без неё.

Она усмехнулась.

— Ладно. Орешки так орешки.

— Уже прогресс.

Он снова ушёл, и Олеся взяла один, покрутила между пальцами и съела. Солёный. Слишком. Зато вкус оказался таким конкретным, что на секунду всё остальное отступило.

Она не сказала Артему об увольнении.

Сначала потому, что вышла из офиса в состоянии, когда звонить кому-либо вообще казалось физически невозможным. Потом потому, что села в машину и пятнадцать минут смотрела на руль. Потом доехала до дома, постояла во дворе и не вышла.

На кухне наверняка были его чашки. В спальне — его футболка на стуле. В ванной — мокрое полотенце, брошенное на край ванны, хотя корзина для белья стояла в сорока сантиметрах.

И ещё там был он.

Артем, который спросил бы: «И что теперь?»

Не со зла. Он вообще редко говорил что-то со зла. В этом, пожалуй, и была одна из главных проблем. Он был не плохим.

Олеся снова взяла бокал.

Если бы Артем бил её, изменял, проигрывал деньги, орал, исчезал на трое суток или хотя бы регулярно забывал её день рождения — всё было бы проще. Появилась бы причина, которую можно показать пальцем. Объяснить подругам. Рассказать маме. Даже самой себе.

Вот, смотрите. Вот почему я уйду. Но Артем просто жил. Удобно, спокойно, размеренно. Рядом с ней. И очень быстро выяснилось, что рядом — не то же самое, что вместе.

Сначала Олеся не замечала. Потом замечала, но думала, что это временно. Потом пыталась исправить. Потом объясняла. Потом перестала объяснять.

Теперь у неё был календарь, где кроме собственных встреч были отмечены его стоматолог, замена масла в его машине и день рождения его мамы. Она покупала продукты, потому что Артем «не умеет выбирать нормальные овощи». Вызывала сантехника. Писала хозяину квартиры. Оплачивала коммуналку, а потом напоминала Артему перевести половину. Заказывала ему таблетки, когда он болел, и записывала к врачу, если болезнь затягивалась. Перед поездками проверяла документы обоих.

Однажды она поймала себя на том, что положила ему в чемодан носки. Не «их носки». Не «наши вещи». Ему. Как ребёнку в лагерь. Тогда ей стало смешно. Теперь не было.

Секс исчез как-то буднично. Без последней ночи, после которой можно было бы поставить точку и сказать: вот тогда всё закончилось. Сначала устали. Потом у Артема болела спина. Потом у неё были месячные. Потом они оба поздно легли. Потом он несколько раз протянул

руку к ней в постели, а она уже спала или делала вид. Потом она сама попыталась — и увидела, как он на секунду посмотрел на время в телефоне. После этого не пыталась. Прошло...

Олеся нахмурилась. Сколько? Она начала считать и бросила. Достаточно долго, чтобы считать стало унинительно. При этом они всё ещё говорили «люблю». По телефону. Перед сном. Иногда, уходя утром. Слово давно потеряло вес и стало чем-то вроде «ключи взял?».

— Люблю.

— И я.

Дверь закрылась. Вечером кто-нибудь из них закажет доставку.

Олеся отхлебнула вина и вдруг с раздражением подумала, что даже сейчас, сидя в баре после увольнения, она мысленно проверяет, есть ли дома корм для кота.

Кота завёл Артем.

Корм покупала она.

— Великолечно, — сказала Олеся бокалу.

Он, как и следовало ожидать, не ответил.

Она разблокировала телефон и открыла переписку с Катей. Последнее сообщение было от неё самой. Три месяца назад.

«Прости, сегодня не смогу. У Артема температура».

До этого Катя звала её на день рождения. Олеся не поехала.

Температура была тридцать семь и два. Он лежал на диване, смотрел сериал и говорил, что «что-то совсем развезло». Олеся сварила бульон, сходила в аптеку и осталась дома.

Катя ответила: «Ок. Выздоровливайте».

И больше не звала.

Ниже была старая фотография. Они втроём — Олеся, Катя и Лера — сидели на набережной, ели что-то из бумажных коробок и смеялись. Олеся на снимке запрокинула голову, глаза закрыты, волосы растрепались от ветра.

Она увеличила фотографию двумя пальцами.

Странно было смотреть на своё лицо и не узнавать человека.

Не в том смысле, что она сильно изменилась. Лицо было тем же. Может, стало чуть тоньше. Морщинка между бровей заметнее. Волосы сейчас короче.

Но та женщина на фотографии явно куда-то собиралась после снимка. У неё что-то было впереди.

А сегодняшняя Олеся сидела в баре и не ехала домой, потому что не хотела покупать хлеб.

Телефон снова завибрировал.

«Олесь?»

Она перевернула его экраном вниз.

И второй раз за вечер сделала большой глоток.

* * *

В девять пятнадцать бар стал заметно громче.

На столиках появились вторые бутылки вина, кто-то заказал шоты, у окна две девушки пытались фотографировать друг друга так, будто остальные посетители обязаны были временно перестать существовать. Олеся наблюдала за ними через зеркало за стойкой.

— Чуть левее. Нет, моё левее! — командовала одна.

Вторая передвинула бокал на пять сантиметров и вытянула губы.

Олеся улыбнулась.

Она вспомнила, как они с Катей когда-то приехали в другой город на концерт и после выступления за чем-то пошли искать круглосуточную прачечную, потому что Катя пролила на себя пиво. В два часа ночи они сидели на пластиковых стульях между машинками, ждали, пока высохнет платье, и пили шампанское из бумажных стаканчиков.

Артем тогда ещё писал ей каждые полчаса.

Не «ты где?».

А «как там?», «кто играл на разогреве?», «пришли фотку», «скупаю».

Когда именно он перестал скучать? И когда перестала она?

Олеся закрыла глаза.

Перед ней почти физически возник коридор их квартиры. Серый коврик. Тумба, на которой Артем бросал ключи. Его кроссовки боком, потому что нормально поставить обувь в шкаф он почему-то не мог. Свет из кухни.

Она представила, как открывает дверь.

Артем скажет:

«Ты хлеб купила?»

Она ответит:

«Меня уволили».

Он замрёт.

Скажет что-нибудь правильное. Скорее всего, обнимет. Потом спросит, что теперь делать.

И почти наверняка уже через полчаса разговор каким-то образом придёт к деньгам, аренде, поиску новой работы и необходимости «не раскисать».

Олеся знала это заранее, словно сцену уже снимали и она просто смотрела повтор. Она ненавидела себя за эту уверенность. Возможно, Артем удивил бы. Возможно, она давно перестала давать ему шанс удивлять. Эта мысль была неприятнее остальных. Она не хотела превращать себя в безупречную жертву. Потому что тоже была не подарком. Она ворчала. Контролировала. Раздражалась, когда Артем делал что-то «не так», а потом жаловалась, что он ничего не делает. Иногда отвечала резче, чем заслуживала ситуация. Могла неделями ходить с обидой и говорить «всё нормально», хотя всё было совсем не нормально. Несколько раз отменяла их общие планы из-за работы и каждый раз ожидала, что он поймёт.

Он понимал. Наверное. Или ему было всё равно.

Вот это Олеся никак не могла определить.

— Господи, — прошептала она. — Я даже расстаться нормально не могу. Мне для этого тоже нужен проектный план.

— Можно в Excel, — сказал мужской голос справа. — С дедлайнами и ответственными.

Олеся повернула голову.

На соседний стул только что сел мужчина. Он был примерно её возраста или чуть старше. Тёмная футболка под расстёгнутой рубашкой, часы на кожаном ремешке, волосы чуть длиннее, чем принято у мужчин, которые каждое утро укладывают себя перед офисом. Никакой показной небрежности — просто, похоже, они так росли.

Перед ним бармен поставил стакан воды. Мужчина заметил её взгляд и поднял ладонь.

— Простите. Подслушал последнюю фразу. Она была слишком хорошая.

— Я разговаривала сама с собой.

— Это уже звучит как предупреждение.

— Оно и было.

Он кивнул с серьёзным видом.

— Тогда я вовремя.

Олеся отвернулась. Ей совсем не хотелось знакомиться. Особенно с мужчиной в баре. Особенно сегодня. Она почти физически чувствовала сценарий, который сейчас должен был начаться. Вопрос, одна ли она. Compliment. Попытка заказать ей напиток. Немного самоуверенности. Чуть позже — предложение продолжить вечер где-нибудь ещё.

У неё не было сил даже вежливо отказывать.

Мужчина тем временем заказал виски, дождался, пока бармен отвернётся, и сказал:

— Я вообще хотел начать с чего-то умнее.

Олеся посмотрела на него.

— Но?

— Но слышал про Excel и растерялся.

— Бывает.

— Рома.

Он не протянул руку. Просто назвал имя. Олеся молчала.

Рома подождал секунду.

— А вот здесь, по всем законам плохого знакомства, вы должны назвать своё.

— А если я не хочу знакомиться?

— Тогда по всем законам хорошего воспитания я должен сказать «понял» и замолчать.

— Отличный закон.

— Один из любимых.

Он взял стакан, сделал глоток и действительно замолчал. Олеся ждала продолжения. Его не было.

Рома достал телефон, мельком посмотрел на экран, убрал обратно в карман. Не начал писать, не стал демонстративно искать другую женщину глазами. Просто сидел и смотрел куда-то на бутылки за баром.

Через минуту Олеся сама спросила:

— И всё?

Он повернул голову.

— Что всё?

— Вы сдались?

— Вы же сказали, что не хотите знакомиться.

— Я сказала «если».

— А. — Он задумался. — То есть это был тест на внимательность?

— Нет.

— Жаль. Я бы прошёл.

Она снова улыбнулась, на этот раз чуть заметнее. Рома увидел.

— Вот теперь я хотя бы не совсем зря сел.

— Не обольщайтесь.

— Уже поздно.

Олеся выдохнула через нос. Вот оно.

— Слушайте, — сказала она, поворачиваясь к нему корпусом. — Давайте сразу. Я в отношениях. И сегодня вообще не настроена ни на флирт, ни на знакомства, ни на продолжение вечера, если вы про это. Так что давайте не будем тратить друг другу время.

Рома чуть поднял брови. Несколько секунд он смотрел на неё, и Олеся приготовилась к обычному: «а что, поговорить уже нельзя?» или «я же ничего такого не сказал».

Но он кивнул.

— Справедливо.

— Хорошо.

— И я правда неудачно начал.

— Немного.

— Хотел подкатить.

— Я заметила.

— Получилось плохо.

— Тоже заметила.

Он взял стакан.

— Тогда официально отзываю подкат.

— Так можно?

— Конечно. Сейчас оформим возврат. Причина: товар ненадлежащего качества.

Олеся рассмеялась. Не фыркнула, не улыбнулась, а именно рассмеялась — неожиданно для себя. Коротко, но вслух. Рома довольно кивнул.

— Всё. Теперь можно общаться как нормальные люди.

— А до этого мы кем были?

— Мужчиной в баре и женщиной, которая очень хотела, чтобы мужчина в баре от неё отстал.

— Неплохое определение.

— Я наблюдательный.

— Скромный ещё.

— Это позже выяснится.

— Ничего позже не выяснится.

— Точно. Подкат отозван.

Он поднял стакан, будто произносил тост. Олеся посмотрела на него и впервые за день почувствовала не облегчение, не раздражение и не усталость. Любопытство. Совсем маленькое. Но живое.

* * *

Первые десять минут они говорили о вещах, которые ничего не значили. О том, что в баре слишком громкая музыка для места, где половина людей всё равно пытается разговаривать. О мужчине за столиком у окна, который уже третий раз торжественно объяснял официанту разницу между бурбоном и виски. О том, почему в любом баре обязательно должен быть человек, который громко смеётся раньше всех остальных.

Рома оказался хорош в мелких наблюдениях. Не остроумничал без остановки и не пытался превращать каждую её реплику в повод показать, какой он интересный. Иногда просто слушал. Иногда молчал дольше, чем обычно молчат люди, ждущие своей очереди говорить. Олеся заметила это не сразу.

— Ты всегда один ходишь в бары? — спросила она.

Они незаметно перешли на «ты» минуты три назад. Никто отдельно этого не предлагал.

— Нет.

— А сегодня?

— Сегодня да.

— Почему?

Рома посмотрел в стакан.

— Хороший вопрос.

— У тебя тоже увольнение?

— Нет. С работой всё скучно стабильно.

— Несчастливая любовь?

— Не настолько красиво.

— Значит, просто алкоголизм.

— Вот. Наконец-то диагноз.

Олеся усмехнулась.

— Ты не ответил.

— Не хотел домой.

Это прозвучало так просто, что она замолчала. Рома пожал плечами.

— Ничего драматичного. Живу один. Иногда бывает, что квартира вечером выглядит как место, где ты уже слишком много раз был. Тогда проще зайти куда-нибудь, посидеть среди людей и вспомнить, что мир не ограничивается твоим холодильником.

— Сильная мысль.

— Могу записать на салфетке.

— Не надо. Я и так сегодня многое переосмысливаю.

— Из-за Excel?

Она посмотрела на него.

— Ты зацепился.

— Конечно. Не каждый день женщина у барной стойки планирует расставание в таблице.

Олеся отвела глаза.

— Я не планирую расставание.

Рома не ответил. И именно поэтому она продолжила:

— То есть... не знаю.

— Это уже ближе к правде?

— Наверное.

Он не стал спрашивать, что случилось. Олеся ждала вопроса. Его отсутствие раздражало.

— Ты специально молчишь?

— Да.

— Почему?

— Потому что если ты хочешь рассказать — расскажешь. Если нет, вопрос будет лишним.

— Удобная философия.

— Очень. Экономит кучу времени и неловких разговоров.

Она снова покрутила бокал.

— Меня сегодня уволили.

Рома чуть повернулся к ней. Не резко. Не с той мгновенной жалостью, от которой хочется сразу сказать, что всё нормально.

— Вот дерьмо, — произнёс он.

Олеся фыркнула.

— Спасибо.

— А что ещё на это говорить?

— Обычно люди говорят «всё к лучшему».

— Люди врут.

— Ещё говорят «зато найдёшь что-то лучше».

— Может, найдёшь. Но сегодня тебя всё равно уволили.

Олеся посмотрела на него внимательнее.

— А ты умеешь поддерживать.

— Я стараюсь не обесценивать чужую катастрофу только потому, что через год она, возможно, окажется полезной.

— Катастрофа — громко.

— Для тебя сейчас громко?

Она подумала.

— Нет.

— Тогда пойдёт.

Бармен подошёл и спросил, повторить ли ей вино. Олеся посмотрела на почти пустой бокал.

— Да.

— Точно? — спросил Рома.

Она прищурилась.

— Ты только что познакомился со мной и уже контролируешь, сколько я пью?

— Нет. Просто первый бокал ты растягивала почти час. Второй может оказаться заявлением.

— Пусть будет заявление.

— Тогда я молчу.

Бармен налил вино. Олеся сделала глоток и, сама не понимая зачем, добавила:

— И я не сказала об увольнении своему парню.

— Тому, с которым ты в отношениях?

— Обычно под словом «парень» это подразумевается.

— Я уточнил, вдруг у тебя сложная система классификации.

— Нет. Один парень. Один и тот же уже почти шесть лет.

— И ты сидишь здесь вместо того, чтобы поехать к нему.

— Да.

— Потому что не хочешь говорить про работу?

Олеся открыла рот и закрыла.

— Не только.

Рома кивнул. И опять ничего не спросил.

— Это начинает бесить.

— Что именно?

— Твоя привычка не задавать очевидные вопросы.

— Хорошо. — Он поставил локоть на стойку. — Почему ты не хочешь ехать домой?

Олеся посмотрела на него. Вот теперь вопрос прозвучал. И внезапно оказался слишком большим.

— Не знаю.

— Врёшь.

Она вскинула брови.

— А ты быстро освоился.

— Извини. Но врёшь.

— Самоуверенно.

— Ты уже сорок минут до моего прихода сидела здесь одна. Телефон каждый раз пере-
ворачиваешь экраном вниз, когда он пишет. Про расставание говорила вслух. И на вопрос,
почему не хочешь домой, ответила раньше, чем успела подумать. Ты знаешь.

Олеся отвернулась к зеркалу. В нём они выглядели почти как пара. Мужчина и женщина
рядом за стойкой. Два бокала. Приглушённый свет. Её вдруг передёрнуло от этой мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.